

УДК 316.444

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6



Оригинальная статья

¹ Валиахметов Р. М.

² Туракаев М. С.

Семейный статус и этническая принадлежность
как факторы миграции и трудовой мобильности населения
(на примере Республики Башкортостан)

¹ Уфимский университет науки и технологий,
улица Карла Маркса, дом 3/4, Уфа, 450076, Россия
rim_m_sifat@inbox.ru

² Уфимский университет науки и технологий,
улица Карла Маркса, дом 3/4, Уфа, 450076, Россия;
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
улица Большая Андроньевская, дом 5, строение 1, Москва, 109544 Россия
mturakaev@gmail.com

Аннотация. В отечественной и зарубежной литературе активно исследуются и анализируются актуальные проблемы миграции и трудовой мобильности населения. При этом, сравнительно большее внимание уделяется социально-экономическим и демографическим аспектам, факторам и причинам миграционных процессов и социально-трудовых отношений. Между тем, как и всякое социальное явление, трудовая и миграционная подвижность населения испытывает влияние целого ряда других, в том числе неэкономических, факторов. В данной статье авторы проанализировали влияние двух из них, а именно, семейного положения/брачного статуса и принадлежности к определённой этнической группе. Цель статьи заключается в выявлении влияния семейного статуса и этнической принадлежности на трудовую мобильность и миграционное поведение населения Республики Башкортостан. Эмпирической базой статьи стали результаты социологических опросов «Качество занятости и человеческое развитие» (2020 г.) и «Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения республик Российской Федерации» (2024 г.). Объект исследования – представители трех крупнейших этносов Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 64 лет, постоянно проживающие в регионе: башкиры, русские, татары. Результаты нашего исследования показали, что семейное положение и брачный статус оказывает существенное влияние на трудовую траекторию и миграционную подвижность населения. Принадлежность к той или иной этнической группе имеет значение, но оно менее выражено и, в условиях Республики Башкортостан, скорее имеет отношение к особенностям сельского или городского расселения этнических групп. Авторы статьи допускают, что в иных условиях, в других регионах, республиках или странах возможно менее, или, наоборот, более выраженное влияние этнической принадлежности на трудовую и, в особенности, на миграционную мобильность населения.


Ключевые слова: семья; брак; семейный статус, этнос, этническая группа; трудовая мобильность; миграция

Благодарности. Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Информация для цитирования: Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Семейный статус и этническая принадлежность как факторы миграции и трудовой мобильности населения (на примере Республики Башкортостан) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 111-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6

Original article

¹ Rim M. Valiakhmetov 

² Marcel S. Turakayev 

**The influence of family status and ethnicity
on of the population
(on the example of the Republic of Bashkortostan)**

¹) Ufa University of Science and Technology,
3/4 Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia
rim_m_sifat@inbox.ru

²) Ufa University of Science and Technology,
3/4 Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia;
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
5 Bolshaya Andronyevskaya St., Moscow, 109544, Russia
mturakaev@gmail.com

Abstract. The current issues surrounding migration and population mobility are subject to active study and analysis within both domestic and international literature. Concurrently, greater attention is accorded to the socio-economic and demographic aspects, factors and causes of migration processes and social and labour relations. Consequently, as with any social phenomenon, the labour and migration mobility of the population is influenced by a number of additional factors, including those that are not economic in nature. In this article, the authors examine the influence of two factors: family status and belonging to a particular ethnic group. The objective of this article is to ascertain the impact of ethnicity and family status on the labour mobility and migration behaviour of the population of the Republic of Bashkortostan. The empirical basis of this article is formed by the results of two sociological surveys: “Quality of Employment and Human Development” (2020) and “Ethnic Features of Employment and Labor Mobility of the Population of the Republics of the Russian Federation” (2024). The study focuses on individuals belonging to the three largest ethnic groups in the Republic of Bashkortostan, aged between 18 and 64 years, and residing in the region on a permanent basis. The three largest ethnic groups in the Republic of Bashkortostan are the Bashkirs, Russians, and Tatars. The findings of our study indicate that family and marital status exert a considerable influence on the labour trajectory and migration mobility of the population. While belonging to a particular ethnic group is significant, its impact is less pronounced in the context of the Republic of Bashkortostan, where it is more closely associated with the distinctive characteristics of rural or urban settlement of ethnic groups. The authors of the article

concede that the influence of ethnicity on labour and migration mobility of the population may be less pronounced or, conversely, more pronounced in other Russian regions, republics or countries.

Keywords: family; marriage; marital status; ethnicity; ethnic group; labor mobility; migration

Acknowledgments. The article was Prepared within the Framework of the Program of Scientific Research Related to the Study of the Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening the All-Russian Identity 2023-2025 (Headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

Information for citation: Valiakhmetov, R. M., Turakayev, M. S. (2024), "The influence of family status and ethnicity on of the population (on the example of the Republic of Bashkortostan)", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 111-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6

Введение (Introduction).

Исследования, посвященные анализу факторов, влияющих на миграционное поведение и трудовую мобильность населения условно можно разделить на две группы. Первую группу образуют публикации о проблемах семьи и брака, семейного статуса и брачных отношений. Они стали одними из актуальных тем современного социологического анализа. Большое внимание уделяется этой теме в исследованиях Ф.Б. Бурхановой (Бурханова, 2004, 2023; Бурханова, Асадуллина, 2022). Ф.Б. Бурханова в одной из новых своих публикаций, на основе данных переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., выявила, что для русских характерна городская модель брачной структуры, предполагающая низкую долю лиц, состоящих в официальном браке, и высокую долю разведенных и разошедшихся. Для татар типична сельская модель с высокой долей лиц, состоящих в официальном браке, и низкой долей разведенных и разошедшихся. Наконец, для башкир свойственна промежуточная модель брачной структуры (Бурханова, 2023: 211).

В последние годы активизировались исследования в этом направлении в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН. Проблемы семьи и семейных отношений рассматриваются в контексте современной демографической политики и общей структуры ценностей.

Примечательным в этом смысле являются работы коллектива авторов под руководством С. В. Рязанцева и Т. К. Ростовской (Ростовская и др., 2024; Рязанцев и др., 2023; Бекарев и др., 2017). Этим коллективом ежегодно издаются национальные демографические доклады, в первом выпуске которого содержится исследования проблем семьи, анализ экономических и социальных трудностей, с которыми сталкивается современная семья (Рязанцев и др., 2020). Выпуск Национального демографического доклада за 2024 г. обращает внимание на проблемы молодых, в частности студенческих семей, сохранению традиционных семейных ценностей, необходимости большего вовлечения мужчин в воспитательные процессы и др. (Ростовская и др., 2024). Целый ряд работ рассматривают проблемы семьи и семейных отношений в контексте молодежной политики и специфики ее реализации в регионах России (Шаповалова, Маликова, 2018; Ростовская, Саралиева, 2018). И. С. Шаповаловой рассматриваются также проблемы этнической идентичности и межличностной толерантности молодежи приграничных регионов (Шаповалова и др., 2021).

Имеются, пусть и не в большом количестве, исследования семьи в контексте миграции и трудовой мобильности населения. Одной из подобных работ является исследование

Г. Ф. Хилажевой (Ахметовой) (Хилажева, 2021). Автор отмечает, что несмотря на рост благосостояния подобных семей фиксируется ослабление внутрисемейных социальных связей вследствие длительного раздельного проживания. В частности, мужчины меньше реализуют семейные роли отцов и мужей. В работах М. С. Туракаева рассматривается влияние вахтового труда на рождаемость в семьях вахтовиков и их удовлетворенность семейной жизнью, а также отмечается тенденция роста вовлеченности женщин во временную трудовую миграцию (Туракаев, 2021; Туракаев, Баймурзина, 2022). Взаимосвязь проблемы семейных отношений и трудовой миграции исследуется, в том числе, и на материале республик бывшего СССР. Так, в работе С. В. Рязанцева и соавторов (Рязанцев и др., 2017) на примере Таджикистана показано как длительное отсутствие мигрантов в семьях ведет к деформации семейных отношений, в частности, отмечается снижение прочности семейных связей, падение рождаемости и увеличение разводов.

Вторая группа публикаций посвящена проблемам этнической принадлежности как одного из естественных факторов трудовой мобильности и миграции населения. Наибольшее количество таких публикации основано на материалах социологических данных, полученных в республиках, входящих в состав РФ. Особой проработанностью проблемы характеризуется социальное пространство Дагестана, как одного из наиболее многонациональных регионов России. Так, Ш. М. Гимбатов анализируя делает вывод, что одним из ключевых этнорегиональных факторов в миграционных процессах «являются психофизические потребности и ценностные ориентации человека» (Гимбатов, 2010), связанные с определенным этносом, культурой и религиозной принадлежностью. К числу публикаций по данному региону относятся

также монография (Карпов, Капустина, 2011), затрагивающая проблему миграции и разрушения традиционных этнокультурных сообществ (в частности, переселение горцев Дагестана в равнинную местность) и связанную с ней трансформацию межэтнических отношений в регионе. Специальное внимание в работе уделено исследованию временной трудовой миграции дагестанцев за пределы республики. Данная проблема исследуется и на уровне других регионов. Например, работа Л. В. Намруевой (Намруева, 2011) базируется на материале по Республике Калмыкия. Автор отмечает, что миграция – это один из маркеров невысокого уровня жизни калмыцкого общества. В процессе адаптации мигрантов-калмыков в полиэтнической среде возникает отчуждение людей от традиционной этносреды, что в свою очередь ведет к исчезновению уникальных традиций. Интерес представляет исследование факторов миграционного процесса в российской Арктике, отраженное в работе А. В. Ухановой и соавторов (Уханова и др., 2021). В состав этнического фактора авторы включают межэтнические противоречия как между коренными народами, так и между коренными и «пришлым» населением. Отдельный аспект проблемы – адаптация иноэтнических трудовых мигрантов. Так, М. С. Савоскул (Савоскул, 2011) отмечает «тормозящую» роль личностных характеристик человека в данном процессе, так как устойчивые культурные паттерны поведения не позволяют человеку интегрироваться в иную культурную среду. Интересными являются исследования, стоящие на стыке социологии и экономики, в которых исследуется влияние международной трудовой миграции в контексте экономического развития. Например, В. В. Антропов (Антропов, 2020) говорит об увеличении демографической значимости международной миграции в развитии экономически развитых стран и социально-

экономических и культурных последствиях данного процесса.

Методология и методы (Methodology and Methods). В статье были использованы результаты социологических опросов «Качество занятости и человеческое развитие» (2020 г.)¹ и «Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения республик Российской Федерации» (2024 г.). В первом опросе объектом исследования было постоянное население Республики Башкортостан в возрасте 18 лет и старше. Выборка стратифицированная по социально-экономическим зонам Республики Башкортостан и типу населенного пункта, квотированная по полу, возрасту и уровню образования. Метод сбора данных: самозаполнение анкеты опроса по месту жительства респондента. Объем выборки: 1 566 человек. Сроки проведения опроса: октябрь – декабрь 2020 г. Во втором опросе методика сбора данных и формирования выборки повторяет предыдущее исследование за исключением того, что в 2024 году опрашивались только самые крупные этнические группы Башкортостана от 18 до 64 лет: русские, татары и башкиры. Объем выборки: 1 004 человека. Сроки проведения опроса: май-сентябрь 2024 г. В статье результаты исследования 2020 года используются в качестве дополнительных комментариев с указанием года опроса.

Объект исследования – представители трех крупнейших этносов Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 64 лет, постоянно проживающие в регионе: башкиры, русские, татары. Цель работы заключается в исследовании степени влияния семейного статуса и этнической принадлежности на трудовую мобильность

и миграционное поведение населения Республики Башкортостан. Задачи исследования: 1) определить особенности реализации прав и возможностей в сфере труда в зависимости от семейного статуса и этнической принадлежности; 2) рассмотреть роль семейного статуса и этнической принадлежности респондентов в трудовой, профессиональной и миграционной мобильности населения Башкортостана.

Основная гипотеза исследования – брачный статус, количество членов домохозяйства и наличие несовершеннолетних детей влияет на трудовую, профессиональную и миграционную мобильность населения Башкортостана по-разному, в зависимости от этнической принадлежности.

В статье представлен анализ ответов только наемных работников и самозанятых, не имеющих наемных работников, т.к. работодатели отвечали на другие вопросы анкеты, касающихся их организации, а неработающие вообще не отвечали на содержательные вопросы анкеты. Из всех наемных работников относительно больше таковых среди опрошенных башкир (37,2%) и русских (34,4%), чем среди татар (28,3%), а из всех самозанятых без наемных работников ощутимо больше таких среди респондентов русских (43,3%), чем среди башкир (32,2%) и татар (24,4%). По данным переписи населения в 2021 году (ВПН-2020) в Башкортостане подавляющее большинство занятого населения являлись наемными работниками (92,7%). Самозанятых оказалось 2,8%, индивидуальных предпринимателей 1,9%, владельцев бизнеса 0,7%, помогающих членов семьи 0,13% и остальных трудозанятых 1,8% от всех указавших статус занятости².

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021620175 Российская Федерация. Качество занятости и человеческое развитие. Население: заявл. 21.01.2021; опублик. 26.01.2021 / Г. Р. Баймурзина, Р. М. Валиахметов, Е. В. Кабашова [и др.]; заявитель Федеральное государственное

бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук.

² Итоги ВПН-2020. Том 10 Рабочая сила // Росстат. URL:

Этническую принадлежность мы выявляли при помощи вопроса «Кем Вы себя считаете по национальности?» Семейный статус мы определяли через идентификацию семейного (брачного) положения респондента («Состою в зарегистрированном браке», «Состою в незарегистрированном браке», «Вдовец (вдова)», «Разведен (а)», «Никогда не состоял (а) в браке»), наличие несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства. При этом мы объединили подвыборки респондентов, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, в одну группу.

В целях анализа статистически значимой связи между этнической принадлежностью, семейным статусом и показателями трудовой мобильности и миграции населения Республики Башкортостан был использован статистический критерий Хи-квадрат Пирсона.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Социально-демографические характеристики этносов (Social and Demographic Characteristics of Ethnicities). По результатам опроса населения Республики Башкортостан в конечной выборке получилось 35,2% башкир, 36,6% русских и 28,3% татар. Состоят в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) 61,6% ответивших на вопрос о семейном положении, 3,7% вдовых, 7,9% разведенных и 26,8% никогда не состоявших в браке. Респондентов, имеющих несовершеннолетних детей, 41,8% и одиноко проживающих респондентов 9,9%.

По данным опроса 2024 года в сельской местности в процентном соотношении чаще проживали башкиры (53%), затем татары (41,9%) и русские (28,3%). По данным переписи населения России в 2021 году в сельской местности проживало 54,4% башкир, 36,5% татар и 23,6% русских¹.

Среди башкир больше лиц, состоящих в зарегистрированном или незарегистрированном браке (67,1%), чем среди татар (60,7%) и русских (56,9%), постоянно проживающих в Республике Башкортостан. Никогда не состоявших в браке немного больше среди русских (29,7%), чем среди татар (27,5%) и башкир (23,4%). 10,1% опрошенных русской этнической группы, 8,4% опрошенных татарской этнической группы и 5,4% респондентов башкирской этнической группы относятся к разведенным. Остальное незначительное количество респондентов по семейному положению относится к вдовым. Опрошенные башкиры (44,3%) и татары (42,1%) сравнительно чаще русских (38,8%) имели несовершеннолетних детей. У башкир (9,4%) и русских (8,5%) немного меньше, чем у татар (12,4%) доля одиноко проживающих респондентов. По данным ВПН-2020 среди населения Башкортостана больше всего лиц, состоящих в браке: русские (55,3%), башкиры (57,0%), татары (59,7%); на втором месте идут лица, никогда не состоявшие в браке (русские – 20,4%, башкиры – 20,9%, татары – 19,0%), затем вдовы (русские – 12,1%, башкиры – 12,1%, татары – 11,2%), также разведенные и разошедшиеся (русские – 12,2%, башкиры – 9,9%, татары – 10,1%)². Также по данным переписи в Республике Башкортостан доля домохозяйств,

https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila
(дата обращения: 10.10.2024).

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos

tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

² Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos_tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

имеющих детей моложе 18 лет, составляет 26,8%, а доля домохозяйств с одним членом семьи – 36,4% от общего числа частных домохозяйств³.

По результатам опроса мы получили примерно одинаковые пропорции опрошенных представителей трех основных этносов Республики Башкортостан по полу: башкиры (54,4% мужчин и 45,6% женщин), русские (52,3% мужчин и 47,7% женщин) и татары (52,5% мужчин и 47,5% женщин). Мужчин оказалось немного больше, хотя по данным ВПН-2020 в республике доля мужчин среди башкир составляет 47,8%, среди русских 46,3% и среди татар 47%⁴.

Распределение этнических групп респондентов по возрасту также почти равномерное (Таблица 1). Для сравнения по данным ВПН-2020 в группу жителей Башкортостана в возрасте от 16 до 24 лет попадает 14,6% русских, 14,7% башкир и 13,6% татар. В возрастной группе от 25 до 34 лет 20,8% русских, 20,7% башкир и 21,3% татар; в группе от 35 до 44 лет 25,5% русских, 22,5% башкир и 23,5% татар; в группе от 45 до 54 лет 18,7% русских, 18,7% башкир и 18,1% татар и в возрастной группе от 55 до 64 лет 20,4% русских, 23,4% башкир и 23,5% татар⁵.

Таблица 1
Распределение этнических групп по возрастным группам, % от всех ответивших
Table 1

Distribution of ethnic groups by age group, % of all respondents

Возрастные группы / Age Groups	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar
18–24 года / years	9,3	10,6	10,2
25–34 года / years	23,5	24,3	24,3
35–44 года / years	29,5	29,4	29,2
45–54 года / years	24,4	22,3	22,2
55–64 года / years	13,3	13,4	14,1
Всего / Totals	100,0	100,0	100,0

Трудовая мобильность (Labor Mobility). Рассмотрим влияние национальности на трудовую мобильность и возможности в сфере труда опрошенных жителей Республики Башкортостан. Представители башкирской этнической группы чаще сталкивались с дискриминацией по национальному признаку, «при выдвижении на руководящую должность» (Таблица 2). Русские более, чем в два раза чаще

остальных этносов отмечали ущемление их прав при назначении зарплаты и повышении зарплаты, а также премировании. Татары чуть чаще говорили, что сталкивались с дискриминацией «при приеме на работу» и «когда решался вопрос, кого послать на повышение квалификации». Однако влияние этнической принадлежности по этому вопросу статистически незначимо, поэтому мы можем делать только предположения.

³ Итоги ВПН-2020. Том 8 Число и состав домохозяйств // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozhaystv (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos

tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

⁵ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos_tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Есть ли на Вашем предприятии/в организации, где Вы работаете, явления, когда ущемляются права и возможности каких-либо национальностей? И если есть, то как часто это проявляется ...?» в зависимости от этноса, % от всех ответивших*

Table 2

Distribution of responses to the question “Are there any phenomena at your enterprise/organization where you work, when the rights and opportunities of any nationalities are infringed? And if so, how often does this occur...?” Depending on ethnicity, % of all Respondents*

Права и возможности в сфере труда / Rights and Opportunities at Work	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar
При приеме на работу / When Hiring	4,7	5,6	6,3
При выдвижении на руководящую должность / When Promoting to a Management Position	5,1	3,5	4,5
При назначении зарплаты, при повышении зарплаты, премировании / When Setting a Salary, when Raising a Salary, when Giving a Bonus	1,7	4,2	1,3
Когда решался вопрос, кого послать на повышение квалификации / When Deciding who to Send for Advanced Training	1,7	1,4	2,7
Когда решался вопрос, кого сократить с работы / When Deciding who to Lay off from Work	2,0	2,4	1,8
Нет, не приходилось попадать ни в одну из перечисленных ситуаций / No, I have never had to End up in any of the above Situations	77,0	77,3	75,8
Всего / Totals	103,7	104,2	102,7

* Сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Семейный статус респондентов значительно влияет на опыт дискриминации по национальному признаку, если сравнивать ответы лиц, состоящих в браке, вдовых, разведенных и никогда не состоявших в браке. Так, опрошенные жители республики, никогда состоявшие в браке (82,7% ответили, что никогда не сталкивались с подобной дискриминацией), и разведенные (86,6% соответственно) относительно реже лиц, состоящих в браке (74,7% соответственно), сталкивались с вышеперечисленными нарушениями трудовых прав и возможностей по национальному признаку (Хи-квадрат Пирсона=8,5, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). Это может быть связано с тем, что преимущественно молодые люди, никогда не состоявшие в браке, имеют мало опыта работы по сравнению с более старшими группами, состоящими в браке, а также вдовыми

(72,9% лиц, никогда не состоявших в браке, являются молодыми людьми в возрасте до 34 лет).

Среди респондентов, имеющих негативный опыт дискриминации по национальному признаку, чуть больше семей, в которых есть несовершеннолетние дети: 21,1 против 15,7% соответственно сталкивались с ущемлением прав (различия в ответах статистически незначимы, Хи-квадрат Пирсона=3,1, $p > 0,05$). Это снова влияние возраста: 46,1% респондентов, не имеющих несовершеннолетних детей, в возрасте до 34 лет. В то время как респондентов, имеющих несовершеннолетних детей, в возрасте до 34 лет 19,8%. Размер домохозяйства также влияет на этот дискриминационный опыт. Респонденты, ответившие, что живут одни, реже сталкивались с ущемлением трудовых прав и возможностей по национальному признаку (10,1%), чем респонденты,

имеющие как минимум одного члена семьи, проживающего вместе с ними (20%) (Хи-квадрат Пирсона=3,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5).

По данным опроса 2024 года доля башкир, сменивших место работы за последние 5 лет (33,6%), меньше, чем доля русских (45%) и татар (39,3%), которые меняли место работы за этот период времени (Хи-квадрат Пирсона=7,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). По данным опроса 2020 года различия по этому вопросу между этносами незначимы: башкиры (33,5%) русские (39,5%) и татары (37,8%) (Хи-квадрат Пирсона=0,7, $p > 0,05$). Все же видна тенденция, согласно которой русских и татар, сменивших место работы, чуть больше, чем башкир данной республики. Однако башкиры гораздо чаще меняли место работы за эти 5 лет (среднее значение=5,6), чем русские (среднее значение=4,2) и татары (среднее значение=4,0). По данным опроса 2020 года башкиры также чаще меняли место работы за последние 5 лет (среднее значение=1,7), чем русские (среднее значение=1,5) и татары (среднее значение=1,4) республики, что только подтверждает эту тенденцию.

Это может быть связано не столько с этнической принадлежностью, сколько с тем, что башкир, проживающих в сельской местности Башкортостана гораздо больше, чем русских и татар. А жители сел и деревень чаще, чем жители городов республики, работают вахтовым методом, что предполагает повышение социально-трудовой мобильности в целом (Туракаев, Баймурзина, 2022).

Доля лиц, никогда не состоявших в браке, сменивших место работы за последние 5 лет, больше доли остальных групп респондентов по семейному положению, менявших место работы за последние 5 лет (Таблица 3). Если мы рассматриваем частоту смены места работы, то разведенные (среднее значение=7,9) и состоящие в браке (среднее значение=4,8) сравнительно чаще меняли место работы за этот период времени. Лица, никогда не состоявшие в браке (среднее значение=2,9) относительно реже меняли место работы за последние 5 лет. Это, скорее всего, связано с тем, что люди, никогда не состоявшие в браке, чаще всего молодежь, и они еще не успели несколько раз сменить место работы по сравнению с более старшими группами респондентов.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам менять место работы в течение последних 5 лет» в зависимости от семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 3

Distribution of answers to the question "Have you had to change jobs in the last 5 years?"
Depending on marital status, % of all respondents*

Семейный статус / Marital Status	Нет, не приходилось / No, I didn't have to	Да, приходилось / Yes, I had to	Всего / Totals
Состою в браке / Married	63,8	36,2	100,0
Вдовец (вдова) / Widower	66,7	33,3	100,0
Разведен (а) / Divorced	68,2	31,8	100,0
Никогда не состоял (а) в браке / Never married	50,3	49,7	100,0

* Хи-квадрат Пирсона= 12,8, $p < 0,01$, 0% ячеек со значением меньше 5.

Семейный статус респондентов определялся также при помощи вопросов о количестве детей в семье и количестве членов семьи, постоянно проживающих вместе с ними. Последний вопрос не был

понят всеми респондентами однозначно. Часть респондентов не включала в это число себя, а другая часть, наоборот, считала общее число проживающих вместе с собой. Так, было установлено, что

количество детей до 18 лет не влияет на факт смены места работы респондентами. Меняли место работы как минимум один раз за последние 5 лет 39,7% опрошенных, не имеющих детей до 18 лет, проживающих вместе с ними, и 36,7% опрошенных, имеющих от 1 и больше детей до 18 лет, проживающих вместе с ними. В то же время количество членов семьи заметно оказывает влияние на смену места работы. Среди тех, кто указал, что у него нет членов семьи, проживающих вместе с ними, 52,2% меняли за последние 5 лет работу, а среди тех, у кого есть от 1 и более членов семьи, проживающих вместе с ними, меняли место работы за последние 5 лет уже 37,1% (Хи-квадрат Пирсона=5,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5).

Среди причин смены места работы респонденты чаще всего выбирали варианты ответа: «не устраивала зарплата» (55,9%), «не устраивал график работы, другие условия труда» (23,3%), «не устраивала должность, не видел перспектив для карьеры» (23,3%), «не устраивало содержание работы, не было к ней интереса» (17,7%). Для всех трех основных этнических групп республики эти причины являются самыми распространенными. Семейный статус, количество несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства также не влияют на выбор основных причин смены места работы по нашим данным.

Профессиональная мобильность (Occupational Mobility). Как видно из таблицы 4, различия в ответах представителей трех этносов можно наблюдать только в «переобучении на курсах на другую специальность» опрошенных жителей Республики Башкортостан за последние 3 года. Башкиры сравнительно реже переобучались на другую специальность,

чем татары и русские данного региона. Хотя во всех подвопросах различия в ответах респондентов статистически незначимы, что говорит о том, что у всех трех этносов равные возможности в сфере образования.

Респонденты, никогда не состоявшие в браке, сравнительно чаще учились в профессиональном учебном заведении, т.к. они в среднем моложе других групп респондентов (Таблица 4). Разведенные респонденты по каким-то причинам менее активны относительно повышения своего образования и квалификации. В связи с тем, что различия в ответах респондентов статистически незначимы, это может быть случайным распределением ответов. Однако в сумме русские и татары все же чаще проявляли активность в этой сфере. Хотя в подвопросе «Обучаться в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза» различия в ответах значимы, и разведенные также реже остальных получали профессиональное образование, чем остальные группы респондентов. Профессиональное образование получали в два раза чаще те, у кого отсутствуют несовершеннолетние дети, в отличие от тех, у кого они есть (Хи-квадрат Пирсона=13,6, $p < 0,01$, 0% ячеек со значением меньше 5). Обучались в профессиональном учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза также на 15% чаще те, кто живет один в домохозяйстве в отличие от тех, кто проживает как минимум с одним членом семьи (Хи-квадрат Пирсона=9,0, $p < 0,01$, 0% ячеек со значением меньше 5). Здесь снова играет роль возраст. Как уже упоминалось выше, для молодежи чаще характерно отсутствие детей и других членов домохозяйства.

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам в течение последних 3-х лет...?»
в зависимости от этноса и семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 4
Distribution of Answers to the Question “Have you had to... in the Last 3 years?”
Depending on ethnicity and marital status, % of all respondents*

Ответы / Answers	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar	Состою в браке / Married	Разведен (а) / Divorced	Никогда не состоял (а) в браке / Never Married
Обучаться на курсах повышения квалификации по своей специальности / Take Advanced training courses in your specialty	41,4	44,7	43,3	45,5	31,8	39,0
Переобучаться на курсах на другую специальность / Re-train in courses for another specialty	15,4	22,7	20,2	18,5	16,9	21,0
Обучаться на курсах, не связанных с Вашей работой / Take courses unrelated to your job	27	27,8	25,9	27,2	16,9	28,5
Обучаться в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза / Study at an educational institution to obtain a diploma from a school, college, or university	19,9	22,4	23	15,5	9,2	38,6
Всего / Totals	103,7	117,6	112,4	106,7	74,8	127,1

* Семейный статус (подвопрос «Обучаться в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза» (Хи-квадрат Пирсона = 50,7, $p < 0,01$)). Сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Наблюдений по группе «вдовец (ва)» мало, поэтому они не включены в таблицу.

Профессию среди респондентов Башкортостана меняли сравнительно больше также русские, чем татары и башкиры (Таблица 5). По данным опроса 2020 года доля русских, сменивших профессию за последние 10 лет, также чуть больше (34,7%), чем у башкир (31,4%) и татар (29,5%) (Хи-квадрат Пирсона = 2,1, $p > 0,05$). Разведенные и никогда не состоявшие в браке сравнительно чаще

меняли профессию. Это может быть также связано с влиянием семейного бремени на профессиональную мобильность. Однако по этносам и семейному статусу различия в ответах на этот вопрос статистически незначимы. Наличие несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства не влияет на факт смены профессии / специальности.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам за последние 10 лет менять профессию (специальность) и работать по ней?» в зависимости от этноса и семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 5

Distribution of answers to the question “Have you had to change your occupation (specialty) and work in it in the last 10 years?” Depending on ethnicity and family status, % of all respondents*

Ответы / Answers	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar	Состою в браке / Married	Разведен (а) / Разведен (а) / Divorced	Никогда не состоял (а) в браке / Never Married
Приходилось один раз / I had to Once	17,4	20,9	21,5	17,3	22,7	21,1
Приходилось несколько раз / I had to Several Times	12,4	13,9	9,3	13,4	9,1	9,7
Нет, не приходилось / No, I didn't have to	66,3	59,7	63,1	66,1	59,1	61,1
У меня нет определенной профессии / специальности / I don't have a Specific Occupation/Specialty	3,9	5,5	6,1	3,2	9,1	8,1
Всего / Totals	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Этнос (Хи-квадрат Пирсона=12,8, $p>0,05$). Семейный статус (Хи-квадрат Пирсона=16,1, $p>0,05$). Наблюдений по группе «вдовец (ва)» мало, поэтому они не включены в таблицу.

Основные этнические группы Республики Башкортостан чаще всего меняли профессию из-за «низкой заработной платы в прежней профессии» (51,4%), «желания попробовать себя в новой профессиональной области» (27,3%), «неудовлетворенности содержанием работы» (22,0%), «невозможности реализоваться в профессии, добиться успеха» (20,8%) и «плохих условий труда» (18,4%).

Миграция (Migration). Относительное большинство опрошенных жителей, имеющих миграционный опыт, переезжали в пределах Башкортостана (72,1%). Из них 18,6% респондентов меняли постоянное место жительства внутри своего населенного пункта и столько же процентов – внутри своего муниципального района. В пределах России переезжали 31% опрошенных

жителей республики. Жили и работали за рубежом 3,9% респондентов. Стоит отметить, что доля русских, менявших постоянное место жительства внутри республики, самая высокая и составляет 88,1% от всех наблюдений. Для сравнения 68% башкир и 59,4% татар переезжали внутри Республики Башкортостан. Если доля татар, затруднившихся ответить на этот вопрос, относительно большая (8,1%), то ни один опрошенный башкир не затруднился ответить на этот вопрос. Сложно комментировать большую направленность представителей русской этнической группы Башкортостана на внутрирегиональную миграцию. Однако это может быть связано с небольшим общим количеством респондентов, имеющих миграционный опыт среди всех трех рассматриваемых этносов республики (129 человек).

Доля лиц, состоящих в браке, и, менявших постоянное место жительства внутри региона, относительно большая и составляет 78,9%. Таковых среди никогда не состоявших в браке меньше – 64,8%. Семьи с несовершеннолетними детьми сравнительно чаще семей без детей до 18 лет переезжали на постоянное проживание в пределах данного региона (83,7 и 61,2% соответственно). Одинок проживающие в своем домохозяйстве также меньше переезжали внутри республики по сравнению с респондентами, имеющими в составе домохозяйства других людей (74,7 и 35,7% соответственно). Хотя различия в ответах статистически незначимы, в данном случае видна отчетливая тенденция, согласно которой наличие семьи и детей сокращает дальность миграции до своего населенного пункта, муниципального района или региона.

По нашим данным представители русской этнической группы чаще башкир и татар меняли постоянное место жительства в связи с работой (вопрос «Сколько всего раз за последние 10 лет Вам приходилось менять место жительства в связи с работой?»). Так, 42,9% русских респондентов меняли место жительства в связи с работой за последние 10 лет. Среди башкир таковых 22,7%, а среди татар 15,2% (Хи-квадрат Пирсона=7,3, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). Никогда не состоявшие в браке чаще меняли место жительства в связи с работой по сравнению с респондентами, состоящими в браке, хотя различия в ответах респондентов статистически незначимы. В свою очередь есть статистически значимые различия в ответах на этот вопрос в зависимости от наличия несовершеннолетних детей: респонденты без детей до 18 лет чаще меняли место жительства из-за работы (31,8 и 6,3% соответственно). Похожая тенденция частоты смены места жительства в связи с работой наблюдается и по количеству членов семьи (хотя различия в ответах по данному параметру статистически незначимы). Одинок

проживающие чаще меняли место проживания, чем те, у кого есть другие члены домохозяйства (45,5 и 20% соответственно).

Респондентам также задавали вопрос о том, остались бы они жить в предыдущем месте постоянного проживания, если бы там была подходящая для них работа. Чаще всего выражали желание остаться башкиры (57,5%), затем татары (34,6%), и меньше всего – русские (25,8%) (Хи-квадрат Пирсона=7,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). В то время как мы не обнаружили влияния состояния в браке и количества членов домохозяйства на готовность остаться жить в предыдущем месте жительства, мы определили, что респонденты без несовершеннолетних детей (55,0%) чаще хотели бы остаться в предыдущем месте жительства, чем респонденты, имеющие в составе семьи детей до 18 лет (29,2%) (Хи-квадрат Пирсона=4,0, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5).

Как и предполагалось, доля опрошенных башкир, вовлеченных во временную трудовую миграцию относительно большая (Таблица 6). Мы уже упоминали выше о высокой распространенности вахтовой трудовой миграции среди башкир, преимущественно из сельской местности. Свежие данные только подтверждают выводы наших предыдущих исследований. К тому же Республика Башкортостан находится на втором месте после Московской области среди всех субъектов РФ по общему количеству занятых в возрасте от 15 лет, чье место работы находится в другом населенном пункте, отличном от места их постоянного проживания. При этом Башкортостан занимает первое место в РФ по общему количеству временных (вахтовых) трудовых мигрантов от 15 лет и старше, которые выезжают на работу «несколько раз в месяц» или «1 раз в месяц и реже» с большим отрывом от субъекта, идущего на втором месте (Башкортостан – 130 044 чел. и Саратовская область – 52 595

чел.)⁶. Лица, состоящие в браке, сравнительно чаще вовлечены в вахтовую (временную) и маятниковую (ежедневную) трудовую миграцию. Это также согласовывается с нашими предыдущими исследованиями, согласно которым вахтовые работники являются семейными людьми. Если наличие несовершеннолетних детей никак не влияет на временные отъезды из дома на работу, то наличие других членов домохозяйства связано с большей вовлеченностью жителей Башкортостана как во временную,

так и в маятниковую трудовую миграцию. Так, 32,4% респондентов, имеющих членов в своем домохозяйстве, и 17,9% одиноко проживающих сказали, что имеют вахтовиков и маятниковых мигрантов в семье (Хи-квадрат Пирсона=7,7, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). При этом 47% респондентов ответили, что сами ездят в другой населенный пункт республики, регион России или страну. Стоит отметить, что башкиры (38,8%) чаще русских (20,9%) и татар (33,3%) ездят в другой регион страны на вахту.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас в домохозяйстве (семье) люди, работающие в другом населенном пункте?» в зависимости от этноса и семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 6

Distribution of answers to the question “Do you have people in your household (family) working in another locality?” Depending on ethnicity and family status, % of all respondents*

Ответы	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar	Состою в браке / Married	Разведен (а) / Разведен (а) / Divorced	Никогда не состоял (а) в браке / Never Married
Да, есть вахтовики, выезжающие в другой населенный пункт, регион, страну на несколько дней, недель, месяцев / Yes, there are long-distance commuters who travel to another locality, region, country for several days, weeks, months	25,4	18,4	18,8	23,2	17,2	18,5
Да, есть те, кто ездит каждый день или через день в другой населенный пункт / Yes, there are those who travel every day or every other day to another locality	10,6	13,5	8,9	12,2	9,4	8,2
Нет, все работают в том же городе/ селе, где и живут / No, everyone works in the same city/village where they live	64,0	68,0	72,3	64,6	73,4	73,4
Всего / Totals	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Этноты (Хи-квадрат Пирсона=7,6, $p > 0,05$). Семейный статус (Хи-квадрат Пирсона=6,0, $p < 0,05$). Наблюдений по группе «вдовец (ва) мало, поэтому они не включены в таблицу.

⁶ Итоги ВПН-2020. Том 10 Рабочая сила // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila (дата обращения: 10.10.2024).

Мы не обнаружили статистически значимой взаимосвязи между этнической принадлежностью, брачным статусом, наличием несовершеннолетних детей, размером домохозяйства и трудовой, профессиональной и миграционной мобильностью населения республики. Однако есть пропорциональные различия в ответах респондентов по семейному статусу и этнической принадлежности, на основании которых можно делать предположение об одновременном взаимосвязанном влиянии этнического и семейного фактора на миграционную подвижность населения региона. Основная тенденция, которую мы обнаружили, заключается в том, что у башкир, состоявших в браке (38,5%), относительно больше доля членов семьи, работающих вахтовым методом (26,2%), чем у татар (20,3%) и русских (22,1%), также состоявших в браке. У русских к тому же сравнительно меньше доля никогда не состоявших в браке, вовлеченных в вахтовый труд (12,1%), чем у татар (22,2%) и башкир (21,9%). В семьях с несовершеннолетними детьми вахтовики есть чаще у башкир (26,7%) и татар (19,4%) по сравнению с русскими (14,9%).

Заключение (Conclusions). Таким образом, трудовая, профессиональная и миграционная мобильность основных этносов Башкортостана не всегда имеет этническую специфику. Так, примерно одинаковая доля башкир, татар и русских (23–24%) сталкивались с фактами ущемления прав по национальному признаку в сфере труда.

Представителей русской этнической группы, которые меняли место работы, профессию и место жительства в связи с работой, сравнительно больше, чем башкир и татар. Хотя доля башкир, сменивших место работы за последние 5 лет, относительно меньше, они чаще меняли место работы за этот период, чем русские и татары республики. Это может быть связано с тем, что башкиры больше чем русские и татары проживают в сельской

местности Башкортостана и чаще вовлекаются во временную (вахтовую) трудовую миграцию. В свою очередь, русские больше проживают в городской местности Башкортостана, что также может влиять на их повышенную трудовую мобильность.

Семейный статус, который мы определяли через семейное (брачное) положение, наличие несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства влияет на трудовую мобильность и миграцию населения республики. Несмотря на то, что различия в ответах респондентов на содержательные вопросы не всегда статистически значимы, мы выявили отчетливые тенденции. Отсутствие семьи и несовершеннолетних детей способствует повышению как социально-трудовой, так и социально-профессиональной мобильности населения основных этносов Республики Башкортостан. С реализацией прав и возможностей в сфере труда по национальному признаку сравнительно реже сталкивались респонденты, не имеющие семейных обязательств. Это преимущественно представители молодого поколения, не состоящие в браке, респонденты без несовершеннолетних детей и живущие одни в домохозяйстве. Значимой зависимости от этнической принадлежности здесь мы не обнаружили.

Установлено, что у всех трех основных этносов Башкортостана имеются равные возможности в сфере получения образования и повышения профессиональной квалификации. Респонденты, никогда не состоявшие в браке, сравнительно чаще обучались в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа или вуза, т.к. они в среднем моложе других групп респондентов по семейному положению.

Отсутствие семейных обязательств и несовершеннолетних детей способствует увеличению миграционной подвижности населения региона. В свою очередь, наличие семьи и детей сокращает дальность

миграции до своего региона постоянного проживания. Вахтовая трудовая миграция больше всего распространена среди семейных башкир, преимущественно из сельской местности. Это согласовывается с нашими предыдущими исследованиями, согласно которым вахтовые работники являются в основном семейными людьми.

Список литературы

- Антропов В. В. Международная трудовая миграция: современные тенденции и экономические последствия // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4 (41). С. 155-167. DOI: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167>.
- Бурханова Ф. Б. Современный брак в Башкортостане. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 325 с.
- Бурханова Ф. Б. Изменения брачной структуры этносов Башкортостана по данным всероссийских переписей населения // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 4 (16). С. 193-215. DOI: <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2023-4-193-215>.
- Бурханова Ф. Б., Асадуллина Г. Р. Условия и факторы жизни семей с детьми у башкир и тувинцев (опыт социологического анализа) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 31-46. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>.
- Влияние трудовой миграции на семейные отношения в посылающих странах Центральной Азии (на примере Таджикистана) / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, С. Ю. Сивоплясова, Ш. Ю. Акрамов, Ш. Ш. Гафурова // Сегодня и завтра Российской экономики. 2017. № 83-84. С. 35-52. DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2017-83-84-02>.
- Гимбатов Ш. М. Этнорегиональные особенности трудовой миграции в республике Дагестан // Труд и социальные отношения. 2010. Т. 21, № 12. С. 21-25.
- Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева, Т. К. Ростовцева [и др.]. Отв. ред. С. В. Рязанцев. Москва: ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с.
- Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2023 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]. Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. Вологда: Вологодский научный центр, 2024. 336 с.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX-начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2011. 450 с. (Ethnographica Petropolitana).
- Намруева Л. В. Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере калмыков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 2. С. 87-92.
- Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / А. М. Бекарев, В. А. Бондаренко, М. М. Бичарова [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. 600 с.
- Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. Москва: Издательство Проспект, 2023. 448 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023>.
- Ростовская Т. К. Развитие института молодой семьи в современном обществе // Государственный советник. 2013. № 2 (2). С. 46-52.
- Ростовская Т. К., Саралиева З. Х. М. Особенности и жизненные стратегии молодых мигрантов из национальных республик Российской Федерации, проживающих в Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 1. С. 72-85. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-1-72-85>.
- Рязанцев С. В., Леденева В. Ю., Мищук С. Н. Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов // Журнал Сибирского федерального

университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 104-116.

Савоскул М. С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 103-112.

Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова [и др.]. Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. 448 с.

Туракаев М. С. Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 4. С. 34-58. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.2>.

Туракаев М. С., Баймурзина Г. Р. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 115-133. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>.

Уханова А. В., Смиреникова Е. В., Воронина Л. В. Классификация факторов миграции населения российской Арктики // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 123-129. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43011>.

Хилажева Г. Ф. Современная семья в контексте транслокальной миграции (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 68-82. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>.

Шаповалова И. С., Заводян И. С., Валиева И. Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 21-38. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2>.

Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22-26. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>.

References

Antropov, V. V. (2020), "International Labor Migration: Current Trends and Economic Consequences", *Social'no-trudovye issledovaniya*, 4(41), 155-167, DOI:

<https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167>. (In Russian)

Burkhanova, F. B. (2004), *Sovremennyy brak v Bashkortostane* [Modern Marriage in Bashkortostan], RIO BashGU, Ufa, Russia. (In Russian)

Burkhanova, F. B. (2023), "Changes in the Marriage Structure of Ethnic Groups in Bashkortostan According to All-Russian Population Censuses", *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum*, 4 (16), 193-215, DOI: <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2023-4-193-215>. (In Russian)

Burkhanova, F. B., Asadullina, G. R. (2022), "Living Conditions and Factors of Families with Children among the Bashkirs and Tuvans (Sociological Analysis)", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 31-46, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Sivoplyasova, S. Yu., Akramov, Sh. Yu., Gafurova, Sh. Sh. (2017), "The Impact of Labor Migration on Family Relations in Sending Countries of Central Asia (using Tajikistan as an Example)", *Segodnja i zavtra Rossijskoj jekonomiki*, (83-84), 35-52, DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2017-83-84-02>. (In Russian)

Gimbatov, Sh.M. (2010), "Ethnoregional Features of Labor Migration in the Republic of Dagestan", *Trud i social'nye otnosheniya*, 21 (12), 21-25. (In Russian)

Ryazantsev, S.V., Arkhangelsky, V.N., Vorobyova, O.D., Rostovtseva, T.K. et al. (2020), *Demograficheskoe razvitie Rossii: tendencii, prognozy, mery. Nacional'nyj demograficheskij doklad – 2020* [Demographic Development of Russia: Trends, Forecasts, Measures. National Demographic Report – 2020], ООО "Obedinennaya Redaktsiya", Moscow, Russia. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. et al. (2024), *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Nacional'nyj demograficheskij doklad – 2023* [Demographic Well-Being of the Regions of Russia. National Demographic Report – 2023], Vologodskiy nauchnyy tsentr, Vologda, Russia. (In Russian)

Karpov, Yu. Yu., Kapustina, E. L. (2011), *Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v HH-nachale XXI veka: ih social'nye i jetnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Highlanders after the Mountains. Migration Processes in Dagestan in the 20th–Early 21st

Century: Their Social and Ethnocultural Consequences and Prospects], Peterburgskoye vostokovedeniye, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Namrueva, L. V. (2011), "The Impact of Youth Migration on the Preservation of Ethnicity (using the Kalmyks as an Example)", *RUDN Journal of Sociology*, (2), 87-92. (In Russian)

Bekarev A. M., Bondarenko V. A., Bicharova M. M. et al. (2017), *Rossiyskaja molodezh': social'no-demograficheskij portret i sistema cennostej v kontekste mnogonacional'noj osnovy rossijskogo gosudarstva* [Russian Youth: Social and Demographic Portrait and Value System in the Context of the Multinational Foundation of the Russian State], Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'sko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA», Moscow, Russia. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Arkhangel'skiy, V. N. et al. (2023), *Rossiyskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyah stanovleniya novogo mirovogo porjadka: demograficheskaja situacija v 2022 godu* [Russian Society and the State in the Context of the Emergence of a New World Order: The Demographic Situation in 2022], Izdatelstvo Prospekt, Moscow, Russia, DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023>. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2013), "Development of the Institute of Young Family in Modern Society", *Gosudarstvennyj sovetnik*, 2 (2), 46-52. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Saraliev, Z. Kh. M. (2018), "Characteristics and Life Strategies of Young Migrants from the National Republics of the Russian Federation Living in the Nizhny Novgorod Region", *Research Result. Sociology and Management*, 4 (1), 72-85, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-1-72-85>. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Ledeneva, V. Yu., Mishchuk, S. N. (2023), "The Impact of Migration on the Transformation of the Ethnic Composition of the Population of Russia: Trends and Approaches to the Policy of Adaptation of Migrants", *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 16 (1), 104-116. (In Russian)

Savoskul, M. S. (2011), "Adaptation Strategies for Ethnic Migrants in Local Communities", *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (5), 103-112. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., Kalachikova, O. N. (2024), *Studencheskaja sem'ja*

v Rossii: bar'ery i vozmozhnosti blagopoluchija [Student Family in Russia: Barriers and Opportunities for Well-Being], Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, Ivanovo, Russia. (In Russian)

Turakayev, M. S. (2021), "Temporary Labor Migration in Russia: Current Issues and Sociological Research", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24 (4), 34-58, DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.2>. (In Russian)

Turakayev, M. S., Baimurzina, G. R. (2022), "Shift Work through the Eyes of Temporary Labor Migrants from Bashkortostan", *Problems of Territory's Development*, 26(6), 115-133, DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>. (In Russian)

Ukhanova, A. V., Smirennikova, E. V., Voronina, L. V. (2021), "Classification of Factors of Migration of the Population of the Russian Arctic", *Scientific Journal «Fundamental Research»*, (4), 123-129, DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43011>. (In Russian)

Khilazheva, G. F. (2021), "Modern Family in the Context of Translocal Migration (on the example of families of shift migrants from Bashkortostan)", *Woman in Russian Society*, (1), 68-82, DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S., Valieva, I. N. (2021), "Youth of the Russian Borderland: The Problem of Ethnic Identity and Tolerance", *Research Result. Sociology and Management*, 7 (1), 21-38, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2>. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Malikova, E. V. (2018), "Implementation of State Youth Policy in Russia: Regional Aspect", *Theory and Practice of Social Development*, (6), 22-26, DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 15 октября 2024 г. Поступила после доработки 01 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г. Received 15 October 2024. Revised 01 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Валиахметов Рим Марсович, кандидат социологических наук, заведующий, научная лаборатория социальных и демографических исследований, профессор, кафедра социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Rim M. Valiakhmetov, Candidate of Sociology, Head of the Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Туракаев Марсель Салаватович, кандидат социологических наук, старший преподаватель, кафедра социологии и работы с молодежью, главный специалист, научная лаборатория

социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий; старший научный сотрудник, лаборатория региональных исследований качества жизни, центр изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Уфа, Россия.

Marcel S. Turakayev, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Chief Specialist, Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology; Senior Researcher, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life, Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.